

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 52

В.А.ТИШКОВ

**РУССКИЕ КАК МЕНЬШИНСТВА
(ПРИМЕР ЭСТОНИИ)**

Москва 1993

Документ №52

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ

**РУССКИЕ КАК МЕНЬШИНСТВА
(пример Эстонии)**

Работа выполнена при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (код проекта 93-06-10415).

МОСКВА 1993

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)

И.Г.Косиков

Н.А.Лопуленко

М.Ю.Мартынова

**По вопросам приобретения материалов
обращаться по адресу: 117334, Москва,
Ленинский проспект, д.32а,
Институт этнологии и антропологии РАН,
тел.938-00-19**

Русские как меньшинства (пример Эстонии)*

ВВЕДЕНИЕ

Дезинтеграция СССР имела своим результатом не только новую геополитическую карту значительной части евро-азиатского пространства, но и глубокие переломы в статусе бывших советских национальностей, условиях их эволюции и характере взаимоотношений. Советский режим имперского типа прекратил свое существование прежде всего по причине, что не смог выполнить основное предназначение государства - обеспечить наиболее благоприятные условия социального существования своих граждан. Начатые в середине 80-х годов либерально-демократические реформы нанесли удар по тоталитарной системе управления и его политической идеологии. Составной частью радикальных перемен стало движение за децентрализацию огромного унитарного государства, за экономическую и политическую самостоятельность составлявших Советский Союз республик и регионов. В бывших союзных республиках, которые, согласно Конституции СССР 1977 г., имели статус "национальных государств" эти движения основывались на доктрине этнического национализма и их инициаторами выступали представители титульных национальностей, то есть "коренных наций", определяемых в марксистско-ленинской теории национального вопроса как высший тип этнической общности, имеющей собственную территорию, общие хозяйственные связи, культурную отличительность (прежде всего в виде языка), самосознание и особый психический склад (национальный характер). Естественно, что и "национальное государство" в рамках этой доктрины мыслилось как "свое" для данной группы, как форма ее национального самоопределения.

Наиболее мощные и организованные этно-национальные движения сформировались в годы Горбачевской перестройки в наиболее развитых союзных республиках, особенно в трех прибалтийских - Литве, Латвии и Эстонии. Для этого имелся ряд особых обстоятельств внутреннего и внешнего характера.

Во-первых, социально-экономический статус населения этого региона был высоким по сравнению с другими регионами бывшего СССР. Прибалтийские республики и их граждане по всем основным параметрам уровня и качества жизни опережали население других республик. Как хорошо известно из мирового опыта (Эритрея в Эфиопии, Огаден в Сомали, Катанга в Конго, Баскония в Испании) именно более высокий экономический потенциал и уровень развития какой-либо одной из частей государства, сопровождаемый, как правило, попытками Центра перерасходовать или изъять создаваемые ресурсы и товары в

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Автор выражает благодарность проф. Л.М.Дробижевой за значительное содействие в подготовке данной работы.

свою пользу или для других регионов, служит одной из наиболее вероятных причин регионального или этнического (если регион населен компактной и доминирующей группой) сепаратизма (Hannum, 1990; Montville, 1990). Неслучайно, именно прибалтийские политики и интеллектуалы первыми сформулировали и настойчиво боролись за программу "самостоятельного хозяйственного расчета", в том числе обосновывая это необходимостью "воспроизводства этноса". Долгая агония московских министерств, управлявших целиком всей советской экономикой, а также слабая перспектива быстрого улучшения жизни и успеха экономических реформ в огромной и слабо модернизированной стране были дополнительным стимулом к сессии.

Во-вторых, национальные движения в Прибалтике мощно подпитывались историко-политическим наследием и прежде всего насильственным присоединением этой территории к СССР в 1940 году, прервавшим существование, хотя и сравнительно краткое, трех самостоятельных государств. Это обстоятельство создавало легитимную основу для выхода из состава СССР и служило наиболее сильным средством политической мобилизации основной части населения республик, среди которого уровень достигнутого нации-строительства был гораздо выше, чем среди других народов страны. Правовым признанием движения за независимость стало Постановление II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. об оценке советско-германского договора 1939 г. как нарушения суверенитета и независимости Латвии, Литвы и Эстонии.

В-третьих, титульное население этих республик, несмотря на жестокие политические репрессии и мощное ассимиляционное воздействие со стороны доминирующих в СССР русского языка и культуры, а также неблагоприятные демографические процессы, сохранило, а во многих аспектах значительно развило собственную этническую идентичность и национальные институты. Именно в советский период, особенно в 60-80-е годы, в республиках сформировалась из числа титульных национальностей многочисленная партийно-бюрократическая и интеллектуальная элита, развились системы профессионального образования, науки и культуры. Этот человеческий потенциал не мог смириться с жестким контролем Центра в вопросах власти, доступа к ресурсам и идеологии. Идея суверенитета и культурная интеграция в Прибалтике имели гораздо большую, чем в других регионах, поддержку со стороны церкви.

В-четвертых, более высокая гражданская культура и некоторый опыт демократического управления в прошлом сделали прибалтов союзниками радикально-демократических сил в Центре в борьбе против коммунистического режима и унитарных государственных структур. Эти силы оказали существенную поддержку национальным движениям. Но, пожалуй, самым важным фактором успеха борьбы за национальную независимость была позитивная поддержка со стороны т.н. "русскоязычного населения" республик, около 50% которого выступили на референдумах за государственную самостоятельность.

Наконец, окончательному оформлению сецессии, образованию и признанию новых государств Балтии в огромной мере способствовала позиция западных государств, особенно США и стран Северной Европы, фактически никогда не признававших сталинскую аннексию 1940 года. Именно в случае с Прибалтикой международное сообщество впервые после второй мировой войны вполне определенно отошло от Хельсинского принципа уважения границ и целостности существующих государств и отрицательного отношения к

сепаратистским движениям и сецессии. Только затем последовали со стороны западных демократий поддержка и признание дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Распад СССР и образование трех самостоятельных государств Балтии в понимании национальных лидеров и большинства населения означало не просто восстановление утраченного в 1940 г. политического статуса, а реализацию права наций на самоопределение. Однако понятия "нация" и "национальное самоопределение" однозначно трактовались в их сталинско-советском варианте как этно-нации и как этнонациональное самоопределение. Это радикально расходится с общепринятыми в мировом обществоведении и политической практике понятиями нации как согражданств, как общностей многоэтнических и многорасовых по своему составу, объединенных прежде всего принадлежностью и лояльностью определенному государственному образованию. Только В.Ландсбергис вскоре после провозглашения литовской независимости в марте 1991 г. обозначил отход литовского руководства от доктрины этно-национализма, заявив, что литовская нация - это моноэтническое образование, представляющее собою совокупность всех жителей Литвы, лояльных этому государству.

Как это уже бывало в истории, национальное самоопределение 15 новых постсоветских государств в реальности было самоопределением территориальных сообществ со сложным составом населения. Не стали "дочерним" и прибалтийские государства. Однако в Латвии и Эстонии официальное декларирование этнической природы государственности было положено в основу политики независимых образований. Для этого существуют ряд причин; но одна из них была отмечена еще Карлом Поппером, когда он подверг критике принцип государственности и дал объяснение, почему так трудно от него отказаться: "Популярность этого принципа объясняется только тем, что он обращается к племенным инстинктам, а также тем, что это самый дешевый и надежный способ, с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить" (Поппер, 1992; 1:375).

Конечно, в Латвии и Эстонии, тем более после обретения независимости, этно-национализм стал не просто средством политической мобилизации и обеспечения доступа к власти. Эмоциональная сила и широкая распространенность национальной идеи и в целом этнической солидарности стали средством терапии от гигантской исторической травмы и поправленного коллективного достоинства, которые испытали многие советские национальности. Национализм стал реакцией на сохраняющиеся и потенциальные внутренние и внешние угрозы со стороны иноэтнического населения новых государств, представленного не слабыми меньшинствами, а прежде всего мощными и многочисленными русскими общинами, представляющими народ, доминирующий статус которого прибалты переживали в течение длительного исторического периода.

Политическое кредо и социальные реальности новых государств поставили перед ними очень сложную дилемму: каким путем утвердить свою не декларированную, а подлинную легитимность, как состояться в виде целостных и мирно существующих сообществ, как разделить те принципы, на которых эти мультиэтнические сообщества (а не эстонская или латышская этно-нации) были приняты в Организацию Объединенных Наций? Эта дилемма остается далекой

от решения, и главным препятствием здесь остается глубоко вмонтированная в советскую идеологию и политическую практику доктрина этно-национальной государственности. Именно она создала наиболее конфликтогенную и опасную для молодых государств внутреннюю проблему, связанную со статусом и правами русскоязычной части населения.

Вопрос о русских и о взаимоотношениях двух общин в новых государствах, особенно в Латвии и Эстонии, оказался в центре общественно-политической жизни, обрел очень сильный международный аспект и стал реальным фактором межэтнической напряженности, которая пришла на смену главному противоречию недавнего прошлого - большинства населения республик против тоталитарного союзного центра. Прав был Д.Горовиц, когда отмечал, что "национальное самоопределение - это проблема, а не ее решение, ибо самоопределение сингалцев реализовалось за счет томилов, грузинское самоопределение может произойти за счет осетинов, а самоопределение эритрейских мусульман может быть достигнуто за счет прав эритрейских христиан. Есть много доводов против ставки на национальное самоопределение и за принятие концепции взаимного компромисса" (Hogowitz, 1992: 15).

В контексте этой общей ситуации и обозначенного нами подхода рассмотрим вопрос о положении русских в новых государствах на примере Балтии; прежде всего Республики Эстония. Мы рассматриваем эту проблему в нескольких ее аспектах, в том числе социально-демографическом, культурно-адаптивном, статусно-правовом, общественно-политическим и межгосударственным.

1. Политическая демография

Демографический фактор играет очень важную и часто определяющую роль в системе межэтнических отношений в сложных по составу обществах. Особенно это касается государств с так называемыми "централизованными" этническими системами (Hogowitz, 1985), когда население состоит из двух-трех, примерно, равных по численности и статусу этнических групп, каждая из которых способна сформулировать и осуществить свои претензии на исключительный контроль государственных институтов, ресурсов и доминирующее положение в области культуры. По внешним признакам к таким системам безусловно можно отнести из постсоветских государств Эстонию, Латвию, а также Молдавию и Казахстан, когда соотношение между группами укладывается в пропорцию 60-40%.

Обычно в такого рода многоэтнических государствах или их отдельных регионах возникает наиболее острые этнические конфликты. Их разрешение или предотвращение достигается через механизмы согласительной демократии, справедливого распределения и баланса властей, компромиссов и общественного диалога. Однако в постсоветском пространстве действуют по меньшей мере два фактора, которые придают подобным системам отличительный характер. Во-первых, доктрина этнонациональной государственности как бы априорно определяет исключительный статус титульной национальности, т.е. от имени которой декларируется данная государственность. Во-вторых, в роли нетитульного (некоренного) населения оказываются достаточно многочисленные общины, отделенные новыми государственными границами от

основной массы своих соотечественников в лице самого крупного народа бывшего СССР - русских.

Из 25 млн. русских, оставшихся за пределами России после распада СССР, в Прибалтике живет 1 млн. 725 тыс. В Эстонии - 476 тыс., они составляют 30,3% населения этого государства, 906 тыс. - в Латвии (34% ее населения) и 344 тыс. в Литве (9,4% ее населения).

Прибалтийские республики были единственным регионом в Союзе, где в последнее десятилетие перед распадом СССР увеличивался приток русского населения. Само соотношение титульного и русского населения - это большой вопрос для Латвии и Эстонии. В дореволюционный период (на 1897 г.) население титульной национальности составляло в республиках (в их современных границах) основную массу жителей: в Эстонии почти 80%.

Наиболее значительное изменение этно-демографической структуры населения этих республик произошло в последние десятилетия. Причиной этого были не только послевоенные депортации и эмиграция эстонцев и латышей, переселение на эти территории славянского населения (главным образом из разрушенных войной районов), но и значительно более низкий естественный прирост населения. За 1979-89 гг. прирост населения в СССР среди русских - 5,6%, украинцев - 4,2%, белорусов - 6%, туркмен и узбеков - 34%, таджиков - 45%, а среди латышей - 1,4% и эстонцев - 0,7%. По подсчетам американских демографов, при проекции этих темпов прироста населения в республиках Латвии и Эстонии численность русских могла сравняться с эстонцами через 53 года, а латышами - через 65 лет (Anderson B. and B. Silver, 1989).

Однако основная причина изменения этнических пропорций населения Эстонии и Латвии в последние десятилетия - в иных обстоятельствах. Политика Союзного и республиканских правительств, направленная на интенсивное промышленное развитие этого региона, дававшая быстрый экономический эффект для всей страны, а также более комфортные, чем во многих районах СССР, условия жизни, стимулировала интенсивный приток сюда русского и в целом славянского населения.

По этой причине старожильческое русское население не составляет большинства среди всех русских, живущих в Эстонии. Но большинство русских, проживающих сейчас здесь, это уже уроженцы Эстонии. Они составляли в 1989 г. 65,1% от всего русского населения. Мигрантами условно можно назвать 34,9%. В Латвии и Литве соотношение несколько иное: в Латвии уроженцами являются 41,6%, мигрантами - 58,4%, в Литве соответственно 38,4 и 61,6%. Следует отметить, что в Эстонии доля местных уроженцев среди русского населения, в сравнении со всеми другими новыми государствами, самая высокая (Арутюнян, 1992: 51). В некоторых районах Эстонии русские являются столь же автохтонным населением, как и эстонцы, ибо история их заселения восходит к ранним этапам восточно-славянской колонизации, начиная с XI века, по крайней мере, нынешний город Тарту берет начало от древнерусского града Юрьева, основанного в 1030 г. (Варен, 1960).

Большинство русского населения - горожане: в Эстонии - 87%, Латвии - 73%, Литве - 77%, причем значительная часть их живет в столицах новых государств; в Таллинне - 45% всех русских горожан, Риге - 56%, Вильнюсе - 38%. В Таллинне русские составляют 41,5% всего населения, в Риге - 47,3%. Специфика расселения русских в Эстонии в том, что они главным образом живут либо в

столице, либо в районе их компактного проживания - в Нарве, Кохтла-Ярве, Силамэ, Йыхве. И этническая среда их проживания в том и другом месте существенно различается. В Таллине - среда высокой контактности в самом городе, хотя в трудовых коллективах многие работают преимущественно в своей среде, в Нарве, Кохтла-Ярве, Силамэ и на производстве и в быту преимущественно своя этническая среда и потому возможность межэтнического напряжения в быту и трудовых коллективах меньше. В столице в этом отношении сама ситуация межэтнического общения сложнее и к тому же политическое противостояние, которое ощущали русские в связи с тем, что на них переносилось недовольство эстонцев за действия тоталитарной власти, было несомненно сильнее.

Таким образом, именно неблагоприятные для титульных национальностей демографические тенденции послужили наиболее мощным фактором для роста этнического национализма среди эстонцев и латышей и обостренного формулирования проблемы "мигрантов" и "апатридов". Как свидетельствует мировой опыт, этнические группы в сложных сообществах гораздо сильнее реагируют и склонны рассматривать как угрозу своему существованию скорее не сам факт этнически смешанного населения, сколько резкие изменения в сложившихся демографических пропорциях. Именно такие резкие изменения в сравнительно короткий исторический период, т.е. на памяти одного поколения, произошли в Эстонии и Латвии.

2. Историко-культурные контакты

Говоря о воздействии исторических факторов на формирование межэтнических отношений в наши дни, мы имеем в виду, что все три титульных народа Прибалтийских республик в прошлом веками жили под инонациональным гнетом: в Эстонии и Латвии - остзейско-немецких привилегированных слоев общества и польских - в Литве. Практически до второй половины прошлого века эстонцы и латыши (а литовцы еще дольше) не имели возможности получать образование на своем языке. Языком официального общения, образования, печати - если не считать церковную литературу и календари для крестьян - долгое время был немецкий в Эстонии и Латвии и польский - в Литве. Право на пользование языком во всех сферах жизни, возможность создания национальной литературы и профессиональной культуры были завоеваны народами Прибалтики в ходе национального движения, развернувшегося во второй половине прошлого века. Как и все - и особенно малые народы, - пережившие национальное угнетение и поздно достигшие национальной независимости, народы Прибалтики весьма чувствительны к вопросу сохранения родного языка, в оценке наследия народной культуры и развития национальной литературы на современном этапе.

Второе, что следует отметить, это то, что в прошлом контакты ныне титульных народов со старофельдским местным русским (и белорусским) населением, которое жило в восточных пограничных районах и отчасти в городах, не имели конфликтного характера. Нет оснований говорить о существовании серьезных антирусских настроений в прошлом, если не считать их в Литве в период после подавления польско-литовского восстания 1863 г., когда на литовцев, также как на поляков, обрушились репрессии царского правительства и оно провело ряд русификаторских мероприятий.

В пользу достаточно нормального климата в области межэтнических контактов свидетельствовало то обстоятельство, что подавляющая часть мигрантов оставалась в республиках, а также постоянный рост числа межнациональных браков, который отмечался во всех трех республиках. К 80-м годам в Эстонии было 13% этнически смешанных семей, и 62% русских в республике считали, что национальность не имеет значения в браке (Арутюнян, 1992: 137).

Среди историко-культурных факторов имело значение то, что миграционные потоки в Прибалтику состояли в первую очередь из сельского населения, которое здесь шло на работу в промышленность. Как правило, мигранты оказывались на хорошо оплачиваемой, но тяжелой работе. Однако социальная структура основных контактирующих групп не имела принципиальных различий. Эстония принадлежала к тем немногим республикам СССР, где социальный облик русских и титульного народа - эстонцев в целом не намного отличался. Так, по доле лиц с высшим и незаконченным высшим образованием эстонцы и русские были очень близки: на 1000 человек занято 126 чел. - у эстонцев, 117 у русских. По данным, рассчитанным Л.В.Остапенко, не так сильно отличалось и представительство в интеллигенции у русских и эстонцев. Представляя 39,4% занятого населения, русские в составе интеллигенции представляли - 33,5%; эстонцы в занятом населении - 49,1%, в интеллигенции - 56,8%.

Но при этом структура интеллигенции у русских и эстонцев отличалась. В составе русской интеллигенции было 50,9% производственной интеллигенции; административной - 21,6%, научной - 2%, художественной - 1,6%. В то же время у эстонцев административная составляла 23,1%, производственная - 41,4%, научная - 5,9%, художественная - 4,9%. Русские преобладали на крупных предприятиях союзного значения. Среди металлургов русских было в 2 раза больше, чем эстонцев, среди горняков - в 2,6 раза, а в некоторых отраслях русские преобладают и по абсолютной численности: в машиностроении и металлургии, на железнодорожном и водном транспорте, на транспортных механизмах и др. Эстонцы же первенствуют в полиграфической, пищевой и других отраслях местной промышленности.

За последние 10-15 лет существования Союза ССР в республиках в связи с ростом социального потенциала титульных национальностей стала заметно снижаться представительность русских во многих профессиях и занятиях квалифицированного труда, особенно умственного, прежде всего в сфере управления. Еще в конце 80-х годов (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.) только в Беларуси и Узбекистане русские были представлены в органах власти республик в соответствии со своей долей в их населении. В других республиках представительство русских в той или иной степени было понижено, в том числе и в Эстонии. Русские незначительно были представлены художественно-творческой интеллигенцией.

В то же время в составе специалистов и руководителей производства, как и рабочих тяжелых отраслей промышленности, относительная численность русских в большинстве республик или не изменилась или повысилась. В качестве примера можно привести Эстонию, где в 1989 г. на 10 тыс. занятого населения (в городах) приходилось среди эстонцев 94 работника управления, среди русских, живущих в Эстонии, - 43, научных работников соответственно 172 и 41, работников литературы и искусства - 193 и 42, учителей - 353 и 231, рабочих же тяжелой промышленности - 1586 и 3606 (данные рассчитан Л.В.Остапенко). В неравенстве

по доступу к власти и к ресурсам специалисты справедливо видят одну из важнейших причин этнических конфликтов (Montville, 1990; Тишков, 1992). Эстонию, как и ряд других регионов бывшего СССР, можно отнести к примерам, когда контакт различающихся по социальному составу, но близких по образованию и социально-культурному потенциалу этнических групп, выравнивая возможности состязательности, приводил к конкуренции, создавая одну из причин межэтнической напряженности (Арутюнян и Бромлей, 1986; 363).

Трансформационные процессы, национальные движения и затем образование независимых государств коренным образом изменили позиционные статусы народов. Эстонцы из бывшего союзного меньшинства превратились в новое большинство, а русские - из доминирующей советской национальности в новое меньшинство или "иммигрантов", "апатридов", лиц, претендующих на гражданство.

Самосознание русских претерпело существенные изменения. По данным исследований этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН, которые они вели вместе с эстонскими учеными в течение более 20 лет, еще в 1988 г. более 50% русских Таллинна под понятием "Родина" считали СССР, 25% - Эстонию и 7% - Россию. В 1991 г. своей "Родиной" считали СССР - 20%, Эстонию - 35%, Россию - 22%. Затруднялись в ответах в 1988 г. - 16%, в 1991 г. - 23% (Арутюнян, 1992; 321).

В послевоенные десятилетия степень культурной адаптации русских в советской Эстонии была невысокой. Доля знающих эстонский язык - 10%, в культурных ориентациях - литературных интересах, музыкальных вкусах, информационных запросах, многих нормах повседневного поведения русские в большинстве своем были и остаются ориентированы на русскую культуру (в разных сферах культуры по социальным и возрастным группам от 65 до 90%). Но одновременно социальная и трудовая адаптация у них в Эстонии, как и в других бывших советских республиках, довольно высокая. Как показал анализ результатов опросов русских в 1991 г. в Таллинне, у них сравнительно высокая удовлетворенность работой: 50% работающих удовлетворены своей трудовой деятельностью, а совсем не удовлетворены - 16%. Эта удовлетворенность выше, чем у русских во многих других районах, в том числе и в России. Причем на отсутствие перспективы в карьере указали немногие - всего 1/10 часть работающих, их больше всего среди высококвалифицированных специалистов - 1/5, для которых занятие руководящих должностей блокируется принципом предпочтительности "национальных кадров".

Как показали исследования этносоциологов Института этнологии, именно удовлетворенность трудом и возможности для социального продвижения наиболее тесно коррелируют в полиэтнической среде с межгрупповыми установками (Дробужева, 1981; 103-105). И поэтому не является неожиданным тот факт, что в целом позитивные установки русских на межэтнические контакты в деловой сфере в Эстонии мало изменились в сравнении с 1988 г. Однако высокая доля - около 80% - заявивших, что этнический состав трудового коллектива не имеет для них значения, была неожиданной. Она не так уж сильно отличалась от зафиксированной в начале 80-х годов, т.е. до начала перестройки. И это при том, что до 40% работающих русских чувствовали социальную конкуренцию (отвечали, что на такую работу, как у них, устроиться трудно), более 1/5 русских ожидали безработицу, а установки на совместную работу у эстонцев были от-

нюдь не такие благоприятные (64% эстонцев высказались против работы в полиэтнических коллективах, и всего 12% считали, что национальность не имеет значения при вступлении в брак (Дробижева, 1993; 211). Конечно, в конце 1991 г. и в 1992 г. межэтнические установки русских ухудшились в связи с принятием Закона о гражданстве.

По данным упомянутого выше этносоциологического исследования, русские отмечают негативные изменения, происшедшие в межэтнических отношениях в течение последних лет. Так, в Таллинне такое ухудшение на уровне политики властей отметили 64%, в повседневной, обыденной жизни - 63,2%. Однако в целом эти изменения этнических установок среди русских - есть реакция озабоченности жестким националистическим курсом эстонских лидеров после обретения независимости. Более фундаментальные факторы социального характера определяют достаточно хороший потенциал для интеграции русских в эстонское общество.

До 1990 г. в Эстонии отмечался устойчивый миграционный прирост русского населения. Но провозглашение независимости этих государств, а затем и принятые законы и правила об ограничении въезда, прописки существенно повлияли на уменьшение миграции в Прибалтийские страны. А принятие законов о языке и гражданстве, ущемившие интересы русского населения в этих странах, вызвали тенденции оттока русских из Прибалтики. Значительную долю в увеличении потоков выбытия составил, конечно, вывод советских войск с территории стран Балтии. Так, например, в городах Эстонии еще в 1989 г. отмечался миграционный прирост (правда, весьма небольшой) русского населения, но уже в 1990-91 гг. выбытие русских составило 1,7-3,5 тыс. человек, а за 8 месяцев 1992 г. отток из Эстонии достиг уже 20 тыс. человек, большинство которых составили русские.

На рост выезда русских из Прибалтики большое влияние оказали как вывод войск и отъезд семей военных, так и новые законы, которые ущемили права русских в политической жизни, в приватизации, в развитии новых форм собственности и т.п. Между тем, по данным этносоциологического исследования, проведенного летом 1991 г. в Таллинне эстонскими учеными и Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, 33,5% русских и 38,5% эстонцев, т.е. почти одинаковая доля, хотели бы приобрести в собственность какое-либо предприятие или землю. Желавших стать землевладельцами среди русских жителей Таллинна оказалась даже несколько больше, чем эстонцев - соответственно 8,7 и 6,2%.

Крайне важно отметить, что готовность уехать из Эстонии у русских ниже, чем у русских в других бывших республиках СССР. Наиболее контрастным является пример Таджикистана, откуда выехало, по некоторым оценкам, более 100 тысяч человек из 388 тысяч, фиксированных переписью 1989 г. По данным ВЦИОМ о твердой готовности выехать заявило свыше 30% русских в Узбекистане, более половины русских в Таджикистане, высокая ориентация на отъезд в Молдове (Левада, 1992; 25-29). Таким образом, более или менее массовый выезд русских из Эстонии и других государств Балтии - это крайне маловероятная перспектива и на ней не должны строиться как внутренняя политическая стратегия, так и взаимоотношения этих государств с Россией, а также оценки и политические действия в самой России.

3. Меняющийся статус и перспективы интеграции

Если не съезд, то какая иная реакция на новое положение и каковы перспективы для русских в новых странах? Ответ на этот вопрос зависит не только от степени и возможности культурной адаптации (она, как уже отмечалось, невысокая), но и от социально-политической интеграции. Судя по социально-психологическому самочувствию, интегративные возможности и установки этой группы достаточно высокие. Отличаясь от эстонцев в этнокультурном плане, русские в значительной части (56% по данным ВЦИОМ) не видели для себя больших различий в образе жизни на территории Эстонии (Левада, 1992; 33). Важно и другое - у русских в Эстонии, при проведении опросов, не было опасения за свою жизнь, как в Азербайджане или в Таджикистане, а большинство испытывали доверие к существующим государственным институтам. На вопрос: "Кто должен защищать интересы русских в республике?" 2/3 русских ответили, что это должны делать республиканские власти, т.е. эстонское государство. Было выявлено и осознание того, что все население республики, т.е. эстонцы и русские, переживают сейчас одинаковые трудности. Так считали в Эстонии 76% русских.

Отсутствие ярко выраженного отчуждения к государственным структурам и готовность к интеграции в новую общественно-политическую среду независимой Эстонии в значительной мере обусловлены сравнительно более благоприятными условиями жизни представителей этой группы по сравнению с другими регионами бывшего СССР. 91% русских в Таллинне и 80% городских русских в целом по Эстонии жили в отдельных квартирах. Этот уровень бытовой комфортности составляет одну из важнейших жизненных ценностей для русских в Эстонии.

Вышеприведенные данные российских экспертов относятся к 1991 году. Вместе с тем новые данные эстонских исследователей уже за 1992 г. подтверждают выявленную тенденцию: 2/3 опрошенных эстонским демографом К.Катусом через газету русских в Силламяэ считали, что жизнь их в последние годы складывалась вполне удачно (2/3 имели цветной телевизор и современную звукоаппаратуру, 1/2 - дачи, 1/3 - автомобили). 54% выразили твердое желание получить эстонское гражданство и лишь 15% - гражданство других государств ("Молодежь Эстонии", 7 апр. 1992). На основе этих данных можно сделать вполне обоснованный вывод, что в ближайшее время 10-20 лет существенного сокращения русского населения в местах их компактного расселения в Эстонии не будет, а намерения некоторых эстонских политиков снизить долю русских в этом государстве до 25% являются нереалистичными и провоцирующими межэтническую и политическую напряженность.

Однако в положении русских в Эстонии в последние годы действительно произошли и радикальные изменения. Они прежде всего касаются политико-правового статуса, особенно после принятия новой Конституции, Закона о гражданстве и выборов в парламент осенью 1992 г.

Как известно, проблема гражданства решалась, исходя из концептуального подхода об отношении к русскому и даже шире - к славянскому населению нового государства. Народный фронт Эстонии и затем сложившиеся на его основе партии, прежде всего Социал-демократическая и Демократическая Трудовая партия (бывшая Компартия - самостоятельная) ориентировались на интегра-

цию русскоязычного населения в эстонское общество. Радикальное же крыло национального движения придерживалось этноизоляционистской позиции, считая всех приехавших в 1940-80-е годы иммигрантами и требуя введения годовых квот натурализации на жестких условиях.

Проблема гражданства оказалась центральной в общественно-политическом диалоге. Интерес и беспокойство перспективой массового нарушения прав человека в рождающихся посттоталитарных демократиях проявила международная общественность. Известно, что специальная комиссия, работавшая в Верховном Совете Эстонии пыталась сблизить позиции, но единственное, на чем сошлись тогда разные силы, так это неприятие так называемого "нулевого варианта", т.е. автоматического признания гражданства всех проживающих в Эстонии к моменту объявления независимости, кроме воинского контингента бывшей Советской Армии. Именно такой вариант был принят во всех других постсоветских государствах, кроме Латвии. Центристские силы стремились к дифференцируемому подходу, к принципу права факта, т.е. признание права на гражданство не только по происхождению от родителей-граждан до 1940 г., но и для постоянно проживающих в Эстонии. Однако крайне националистический подход в данном важнейшем вопросе одержал верх над другими вариантами. Комиссию Верховного Совета распустили и в основу закона о гражданстве предложили положить закон, который действовал в Эстонии к моменту ее аннексии.

Закон о гражданстве считается действующим с 30 марта 1990 г., чтобы желающие получить гражданство имели основание (2 года постоянного проживания в Эстонии) для подачи заявления. Затем 1 год отводится на так называемую натурализацию. Она означает прежде всего экзамен на знание эстонского языка в объеме повседневного общения.

Введенный год натурализации означал, что все желающие получить гражданство, но не успевающие его получить, были отстранены от выборов в Верховные органы власти в 1992 г. В результате русские и представители других национальностей не обеспечили своих представителей в Верховном органе власти, избранном 20 сентября 1992 г. Парламент многоэтнической Эстонии оказался моноэтничным; практически треть населения республики в нем не представлена. Такая узурпация политической власти и контроль центральных институтов государства представителями одной этнической группы в ущерб другим крайне опасна. Почти во всех известных случаях из мировой практики она приводила к жестоким конфликтам и межобщинным войнам.

В настоящее время одна часть жителей Эстонии русской национальности - потомственные граждане Эстонской республики 1938 г. (по оценке около 100 тыс.) получают гражданство Эстонии. Некоторая часть русскоязычных рассчитывает принять гражданство Российской Федерации и других новых государств. Но большинство неэстонцев находится в неопределенном гражданско-правовом положении. И это, по оценке самих либерально ориентированных эстонцев, сужает пространство для демократии, сохраняет этнополитический конфликт между общинами.

Официальная эстонская пропаганда отстаивает позицию, что на социально-экономическое положение и фундаментальные права человека Закон о гражданстве не оказал негативного воздействия. В качестве аргумента называется ст. 4 Конституции, в которой сказано: "Права, свободы и обязанности всех

и каждого, перечисленные в Основном законе, распространяются в равной степени как на граждан Эстонии, так и на прибывших в Эстонию граждан иностранных государств и лиц без гражданства". Однако эта важная декларация имеет ряд скрытых ограничителей и прежде всего тот, что она распространяется только на тех, кто "прибывает" в Эстонию, а не живет или даже родился в ней. Скажем, граждане других государств, например, Соединенных Штатов Америки, могут располагать равными правами с эстонскими гражданами и даже баллотироваться в президенты, занимать должности членов правительства, если имеют полное или частичное эстонское этническое происхождение. Сотни тысяч эстонцев (в смысле жителей Эстонии), не имеющих соответствующего состава крови, но родившихся или проживших десятилетия в этой стране, такого права данной статьей не гарантируется. Едва ли можно найти еще пример в политической практике, чтобы одна треть населения страны и добрая половина жителей его столицы не имели возможности выбрать высший орган представительной власти.

Итоги выборов 1990 и 1992 гг. в Эстонии поражают своей отличительностью. Первые всеобщие демократические выборы в Верховный Совет Эстонии даже при предпочтительной системе избирательных округов в пользу эстонцев обеспечили избрание 21 русского депутата из 104, т.е. 20% мест при 30% населения (Тишков: 1991). Первые всеобщие выборы в эстонский сейм в октябре 1992 г. обеспечили все 100% мест этническим эстонцам. Вполне естественно, что русские рассматривают отсутствие их представителей в высшем представительном органе власти как ущемление своих прав.

Неграждане, а ими является пока большинство русских, не имеют права на создание политических партий (ст. 48 гласит: "В партии могут состоять только граждане Эстонии"). По ст. 29 Конституции право свободного выбора рода занятий, профессии, место работы предоставлено гражданам Эстонии, но сказано при этом: "Если законом не установлено иное, то этим правом наравне с гражданами Эстонии пользуются также прибывающие в Эстонию граждане иностранных государств и лица без гражданства".

Вместе с тем на ряд профессий Законом введено правило, что занятие ими требует знания государственного языка. Для русских - особенно в регионах компактного проживания - это серьезное препятствие. В течение десятилетий русский язык имел и сохраняет доминирующее положение на Северо-Востоке страны, частично в крупных городских центрах. Никогда в прошлом ни на союзном, ни на республиканском уровнях серьезных усилий в пользу распространения двуязычия среди русских не предпринималось. В Эстонии сейчас 124 русские школы. Преподавателей эстонского языка с хорошими педагогическими знаниями явно не хватает. Для доукомплектования этих школ необходимо 154 специалиста (по данным М.Г.Чистяковой, Институт национальных проблем школы). Тем более их недостает для обучения взрослого населения. По мнению специалистов, даже через 5 лет русским школам не удастся организовать нормальное преподавание на эстонском языке. Преподавание на русском языке не предполагает государственной поддержки.

Процесс интеграции русской молодежи в эстонское общество, очевидно, растянется на долгие годы. Ее языковая ассимиляция на массовом уровне вообще невозможна в силу высокого статуса русского языка не только в

постсоветском, но и в мировом культурном пространстве, а также в силу мощного воздействия основной массы народа в соседней России.

В настоящий момент эстонским руководством предполагается создать 5-8 русских гимназий. Заниматься они будут, согласно высказыванию А.Эльвина - директора Института развития русскоязычного и иноязычного образования Эстонии на совещании директоров школ с русским языком обучения в Нарве в октябре 1992 г., только по эстонским программам. В школах с русским языком обучения должны быть уроки для изучения не только эстонского языка, но и культуры, истории, географии и экономики Эстонии. Последнее представляется более чем правомерным, но опять же нужны срочные программы по изданию на русском языке учебных пособий по подготовке учительских кадров.

Русским предстоит непростой и длительный процесс культурной и политической адаптации. По эстонской Конституции (ст. 49, 50) они имеют право сохранять свою национальную принадлежность, могут в интересах сохранения национальной культуры создавать самоуправленческие учреждения в порядке и на условиях Закона о культурной автономии национальных меньшинств.

Относительно предпринимательства в Конституции (ст. 31) сказано: "Гражданин Эстонии имеет право заниматься предпринимательством и вступать в коммерческие объединения и союзы" и далее: "Если законом не установлено иное, то этим правом наравне с гражданами Эстонии пользуются также прибывшие в Эстонию граждане иностранных государств и лица без гражданства". Статья 32 объявляет, что собственность каждого неприкосновенна, "равно защищена..." "...Законом могут быть установлены виды имущества, которые в Эстонии могут приобретать в собственность только граждане Эстонии..." Эта норма не является открыто дискриминационной и ею пользуются многие государства. Однако в отношении столь многочисленного и длительно проживающего в стране населения какие-либо ограничения в вопросе о праве на собственность и имущество подобные меры еще нигде не применялись и трудно представить их бесконфликтную реализацию.

Реальная ситуация в Эстонии такова, что русские в экономической сфере проявляют достаточно высокую конкурентоспособность фактически во всех новых государствах. Например, свыше 60% новых предпринимателей в Латвии - русские и евреи. По Эстонии опубликованных данных нет, но процессы в этой сфере идут в Прибалтике достаточно общие.

Сложнее для русских происходит процесс интеграции в сферу политической жизни. И дело не только в их непредставительстве в высших органах власти и в известной мере в местных органах управления. Согласно Конституции (ст.2), делопроизводство в органах местного самоуправления может вестись на языке большинства населения, т.е. необязательно на эстонском языке. Однако право на занятие должностей в органах государственного и местного управления по Конституции предоставлено только гражданам Эстонии, к которым в настоящий момент не относится большинство населения целого ряда местных сообществ.

4. Реакция русских и процессы политической мобилизации

В период коммунистического правления русское население в Эстонии обладало достаточно комфортным статусом, которым обладали представители

этой доминирующей в бывшем СССР этнической группы. Их социальные и культурные запросы в целом удовлетворялись в рамках и по стандартам, которые существовали в государстве. Верхушечные номенклатурные расчеты обеспечивали для русских более или менее справедливое политическое представительство. Все эти представительства определяли низкую потребность в какой-либо самостоятельной политической самоорганизации по этническому признаку и в республике фактически отсутствовали как политические, так и культурные движения и центры среди русского населения.

Бурный рост эстонского национального движения в первые годы перестройки воспринимался ими хотя и по-разному, но в целом характеризовался позитивной инертностью, за исключением небольшой части, напрямую связанной с центральной партийно-бюрократической номенклатурой и с интересами военно-промышленных ведомств. Переломным моментом можно назвать период обсуждения и затем принятия Закона о языке в январе 1989 г., что явилось одним из самых сильных стимуляторов раскола общества в Эстонии по этническому принципу и активизировало политическую мобилизацию русскоязычной части населения Эстонии.

До этих событий русские не проявляли оппозиционных настроений. Как известно, на первом этапе национального движения оно выдвигало лозунги, стимулирующие перестройку, а перестройка была провозглашена Центром и партийные органы на местах поддерживали возникшие общественные движения, прежде всего Народный фронт. Часть, пусть и незначительная, демократически настроенной русской интеллигенции даже вошла в Народный фронт, а сами идеологи Народного фронта стремились предотвратить раскол общества по этническому признаку.

Когда же стало очевидно, что под давлением национал-радикалов демократическое движение этнизируется, приобретает этнопriorитетное направление, когда русские слышали прямое обвинение в свой адрес, это задело национальные чувства русских, вызвало у них определенные фрустрации, а Закон о языке - опасения не только за свою социальную карьеру, но и за судьбу детей. Используя именно эти настроения, было создано Интердвижение. Но фигуры, стоящие во главе этого движения, не пользовались популярностью и доверием русских.

Более серьезным оппозиционным движением стало ОСТК. Объединенный Совет Трудовых Коллективов возник как экологическая организация работников предприятий союзного подчинения, которые были связаны с Центром, поступающими от него трудовыми заказами и источниками сырья. Эти общественные силы практически не зависели от местных властей, но Закон о языке серьезно задевал интересы руководителей и работников этих предприятий. К тому же обозначившаяся угроза разрыва связей с Союзом ставила их в исключительно невыгодное положение.

Лидеры национального движения не нашли путей общественного диалога с этой организацией, следствием чего явилось объединение ОСТК с Интердвижением (весна 1989 г.). Это в свою очередь закрепило политический имидж русской диаспоры в глазах эстонцев как противников Эстонии. Этнополитический раскол был закреплен, когда в августе 1989 г. была проведена политическая забастовка работников союзных предприятий, железной дороги, автотранспорта, в которой участвовало около 30 тысяч человек.

ОСТК выдвинул идею разделения властей с образованием "второй палаты", формирующейся на базе депутатов, избираемых на предприятиях. Затем был создан Межнациональный Совет народных депутатов и делегатов трудящихся Эстонской ССР. В сентябре 1990 г. Совет декларировал, что до заключения нового Союзного договора он не будет исполнять принятых Эстонской республикой законодательных актов, не соответствующих Конституции СССР. Совет стал выразителем интересов тех, кто связывал свою судьбу с Эстонией в составе т.н. "обновленного Союза". ОСТК, по опросам эстонских социологов, поддерживало около 30% неэстонского населения. Но восстановление эстонской самостоятельной государственности не поддерживала значительно большая часть неэстонского населения: 75-80% из них проголосовало против или не участвовало в референдуме по данному вопросу.

Августовские события 1991 г. были последним шагом, политически разъединившим две основные общины, т.к. русские депутаты республиканского Верховного Совета не поддержали объявление Эстонской республикой независимости, а ОСТК поддержал ГКЧП. Политические объединения русских после этого были ликвидированы. Но политические ориентации не изменились и на выборах в Советы в Нарве, Кохтла-Ярве и Силламяэ уже после путча прежние руководители были выбраны снова.

Была предпринята попытка создания общественного движения русских с демократической ориентацией - Русское демократическое движение. Его в известной мере поддерживал тогдашний премьер Правительства Э.Сависаар. Однако это движение не стало массовым. Тем не менее РДД было на 7 месте по популярности среди 19 партий Эстонии ("Молодежь Эстонии", 7 апр. 1992 г.) и его поддерживало 20% русского населения. Более авторитетных объединений у русских сейчас нет, а политические партии для неграждан сейчас не могут быть созданы по Конституции Эстонии.

Только в феврале 1993 г. возникло новое объединение - Представительная ассамблея русскоязычного населения Эстонии, председателем которой стал таллинский предприниматель Николай Юганцев. Эта организация поставила перед собою цель в рамках Конституции "войти" в процесс законотворчества и через диалог с эстонскими политическими силами и руководством ЭР искать пути устранения массовых нарушений прав русскоязычных. Лидеры ПА начали активно развивать отношения с Россией, в том числе после встречи Юганцева с мэром Москвы Ю.Лужковым было разработано соглашение об экономическом сотрудничестве. ПА становится третьей неформальной стороной в российско-эстонских переговорах, чего настойчиво добивались представители русской общины Эстонии.

По словам председателя ПА, ими установлены хорошие деловые контакты со всем дипломатическим корпусом, аккредитованным в Таллине, и "никто не указал нам на то, что мы занимаемся бесперспективным делом. Все это приветствуется и нам оказывается моральная поддержка" ("Независимая газета", 10 апреля 1993 г.). Кстати, одна из последних сессий рассмотрела вопрос о предстоящем 15 мая принятии Эстонии в члены Совета Европы и сочла возможным не выступать против этого, хотя и выразила несогласие с мнением зарубежных экспертов об отсутствии нарушения прав человека в этом государстве.

Наиболее важным моментом является впервые четко выраженная готовность эстонского руководства к сотрудничеству с ПА. Премьер-министр Март

Лаара и президент Леннарт Мери договорились о создании Консультативного совета по делам некоренного населения при Президенте республики. В этот совет предполагается включить 8 назначаемых Президентом представителей фракций эстонского парламента и 7 человек от Представительной ассамблеи. Идея консультативного совета сейчас прорабатывается и ее практическая реализация может быть важным политическим шагом по налаживанию межобщинного диалога и снижению межэтнической напряженности.

Однако ситуация в целом остается крайне сложной и усугубляется наличием ряда трудно разрешимых проблем в сфере межгосударственных российско-эстонских отношений.

5. Позиция России и международные аспекты проблемы

До распада СССР в конце 1991 г. демократические силы Эстонии и России выступали как союзники в борьбе с Центром и политическим господством коммунистических сил. Радикально-демократические политики в России активно сотрудничали с прибалтийскими национал-радикалами и после своего прихода к власти. Заместитель министра иностранных дел РФ Ф.Шелов-Коведяев, советник Президента РФ по межнациональным проблемам Г.Старовойтова и многие другие ответственные лица в российском руководстве по инерции прошлой политической географии продолжали считать русскоязычную общину в Эстонии и других балтийских государствах опорой прокоммунистических сил, препятствующих демократическому курсу. В пользу этой позиции действовала сохраняющаяся блокировка российских национал-патриотов со сторонниками реставрации из числа активистов Интердвижения, громкая риторика "о развале Союза демократами" и реальная опасность реставрации. Но самое главное - стойкая приверженность доктрине этно-национализма всей постсоветской демократии оттеснила на второй план вопросы обеспечения прав человека и меньшинств, отдав приоритет национальному (в советском прочтении: этническому) самоопределению.

Только в 1992 г. вопрос о статусе русскоязычного населения в Эстонии и Латвии выступил в качестве одного из приоритетов российского МИДа, когда министр А.Козырев сделал в сентябре 1992 г. заявление о нарушениях прав человека на европейских международных форумах, а в переговорный процесс об урегулировании отношений России и Эстонии, наряду с военно-экономическими были включены гуманитарные проблемы. 30 октября 1992 г. президент Б.Ельцин отдал распоряжение о приостановке вывода войск из государств Балтии до достижения договоренности о порядке вывода и социальной защите военнослужащих и членов их семей, временно остающихся на этих территориях (НГ, 1 ноября 1992). Последняя акция была скорее обозначением политики, ибо вывод российских войск продолжается.

Статус русских в Эстонии и Латвии после образования независимых государств находится в поле зрения международных организаций и некоторых правозащитных групп и экспертов. В 1991 г. директор Международного института по правам человека в Осло д-р Эсбьерн Эйде, координирующий подготовку для ООН Декларации о правах меньшинств, подготовил доклад по данной проблеме, в котором отмечались как серьезные нарушения прав русских в Эстонии, так и необходимость ряда корректировок политики эстонского ру-

ководства (Эйде, 1991). В октябре 1992 г. Совет Европы принял решение отложить прием в свои члены Латвии и Эстонии по причине нарушения ими прав человека и прав меньшинств. Однако после достаточно энергичной пропагандистской деятельности представителей этих государств в международных структурах и ряда новых экспертных заключений Совет Европы принял новое решение о вхождении этих стран в СЕ, которое намечено на середину мая 1993 г. Российское руководство на сей раз не выступает с категорическим возражением и у этой позиции есть свой резон, т.к. через включение новых постсоветских государств в международные структуры и в систему международно-правовых договоренностей и норм проблемы положения меньшинств и прав человека могут решаться более эффективно и мирными, дипломатическими средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статус и поведение русскоязычного населения в Эстонии, как и в других государствах ближнего зарубежья России, в ближайшие годы, а, возможно, десятилетия будут в значительной мере влиять на экономические и социально-политические процессы в странах бывшего СССР, а также на всю систему межгосударственных отношений.

Это влияние русских в новых независимых государствах обусловлено рядом факторов:

1. Большой численностью этой группы (от 8 до 40% населения государств), наличием ее мощного культурно-языкового воздействия, высокой степенью исторической интеграции и физического смешения с представителями титульных национальностей.

2. Русские в Эстонии (а также в Латвии, Украине и Беларуси) являются сравнительно молодой и социально-активной группой, доля которой в составе населения этих государств в ближайшие годы даже может возрасти, если не произойдет насильственного вытравливания представителей этой национальности, что фактически невозможно осуществить при наличии мощных настроений солидарности среди этнических русских в России и в условиях социально-экономического кризиса, препятствующего мобильности населения.

3. Русские в Эстонии являются одними из основных производителей материальных благ, обладают сравнительно высоким образовательным уровнем и социально-профессиональным статусом, выступают инициаторами экономических реформ и развития частного предпринимательства. Этот компонент населения нового государства играет крайне важную роль в обеспечении хозяйственной и социальной основы эстонской независимости и развития страны.

4. В прошлые десятилетия на русскоязычное население балтийских республик частично распространялся комфортный статус доминирующего в СССР народа, что выражалось в слабых стимулах для интеграции в языковую и общественную среду титульной группы. Этнический, ставший государственным, национализм со стороны эстонцев, а также антирусские общественным настроением радикально поменяли статус и перспективные ожидания русских. Исключительно негативное воздействие окажут полное исключение русских из сфер политической власти и государственного управления, а также ущемления в вопросах владения собственностью. Неизбежная политическая мобилизация и

самоорганизация русских на оппозиционных и антиэстонских основах представляет наибольшую внутреннюю угрозу новому государству и чревата открытым межобщинным противостоянием.

Для нормализации ситуации необходимы следующие политические стратегия и механизмы:

1. Подход к русскоязычной общине в Эстонии как к равноправному и равноценному компоненту образовавшихся новых согражданств, права и обязанности которых, а также их лояльность связаны с эстонским государством, которое является многоэтническим образованием. Необходим взгляд на русских в Эстонии как на важнейший связующий компонент двух соседствующих государств, обеспечивающий их мирные политические отношения и разнообразное сотрудничество.

2. Провал прошлых попыток (20-30-е гг.) создать этнически чистое государство и нынешние антиэмиграционные установки русских в Эстонии побуждают к пересмотру политической стратегии и доктрины эстонского этно-национализма и осуществления в качестве приоритета общественно-политическую интеграцию русских в эстонском государстве. Для этого необходимы корректировка уже принятых конституционно-правовых актов, а также налаживание межобщинного диалога.

3. В Эстонии целесообразны срочные меры по налаживанию межэтнических коалиций и политических партий, по расширению политического представительства нетитульного населения, по государственной поддержке программ в области экстерриториальной национально-культурной автономии. Основным выбором и формула нового государства должны состоять в пользу культурно-плюралистического общества, а не этнонационального государства. По этой причине малоперспективным является вариант национально-территориальной автономии для русских на северо-востоке Эстонии.

4. В области языковой политики официальное двуязычие (эстонско-русское) является наилучшей формулой для обеспечения прав и запросов населения государства, в том числе и самих эстонцев.

5. Российское руководство должно поддержать меры по интеграции этнических русских в эстонское общество, оказывать содействие в развитии всевозможных гуманитарных связей, противодействовать национал-шовинистическим настроениям и действиям внутри России и в то же время последовательно отстаивать и защищать права и интересы русской общины в Эстонии в случае их нарушения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнян Ю.В., отв. ред. 1992. Русские. Этно-социологические очерки. Москва, Наука.
- Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В. Отв. ред. 1986. Социально-культурный облик советских наций. Москва, Наука.
- Арутюнян Ю.В., Кахк Ю.Ю. Отв. ред. 1979. Социологические очерки о Советский Эстонии. Москва, Наука.
- Варен Э. 1960. Тарту. Таллин.
- Дробижева Л.М. 1981. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. Москва, Наука.
- Дробижева Л.М. 1993. Русские в новых государствах. В кн.: "Россия сегодня: трудные поиски свободы". Ред. Л.Ф.Шевцова и В.П.Киселев. Москва: И-т меж., эконом. и полит. исследований.
- Левада Ю. 1992. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. В кн.: "Бывший СССР. Внутренняя миграция и эмиграция". Вып. I. Москва.
- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. Т. 1-2. Москва: Фонд "Культурная инициатива".
- Тишков В.А. 1991. Этничность и власть в республиках СССР. "Советская этнография", № 1.
- Тишков В.А. 1992. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий. - Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Часть I. Отв. ред. Е.И.Степанов. Москва.
- Халлик К. 1993. Эстония: этнополитический очерк. В кн.: "Национальные движения в Эстонии". Москва: Ин-т этнологии и антропологии.

Подписано к печати 10.12.93 Тир. 150 экз. Печ. л. 1,5
Заказ № 351
УОП Института этнологии и антропологии РАН